

12. Индустриализация, коллективизация и ...Великая депрессия.

«Великая депрессия» и СССР: новые возможности или новые ограничения? Великая депрессия – вызов для советской модернизации. Условия задачи. Решение. Сплошная коллективизация крестьянских хозяйств. Предпосылки коллективизации – кооперативные объединения 1920-х гг. Государственная необходимость – зерновой экспорт. Государственный рыбак – МТС и трактора. Кулацкую технику и инвентарь – в колхозы. Цена вопроса. Голод 1932 года. Эффекты коллективизации. Коллективизация с точки зрения экономической статистики. Динамика процессов.

«Великая депрессия» и СССР: новые возможности или новые ограничения?

В 1929 г. в мире разразился экономический кризис («Великая депрессия») – первый кризис перепроизводства в экономике конвейерной индустрии и массового потребления. Одна из версий причин кризиса такова. Взлет производительности промышленного труда не был подкреплён ростом покупательной способности населения мира, зато сопровождался накачкой инвестиций в индустрию сверх реальных возможностей потребителей. Новый лидер мир-экономики США, получив мощный толчок в ходе и по итогам Первой мировой войны, не смог найти рынки для своей бешено растущей индустрии, для вложения капиталов нового делового центра мира – Уолл Стрит. Оборот мировой торговли сократился на две трети. Началась *дефляция* – падение цен на все товары. Дефляция волнами распространялась по миросистеме.

Для Советского Союза американская Великая депрессия открывала невиданные ранее возможности.

Во-первых, резко ослабили все политические ограничения, которые ставились правительствами западных стран в сфере взаимодействия делового мира этих стран с СССР. Какая уж тут «рука Москвы», когда по городам индустриальных стран Запада слоняется 30 млн. безработных! В условиях мирового экономического кризиса поиск новых рынков превращался для США и Европы в политический вопрос, шире – в вопрос выживания. Это означало «зеленую улицу» для поступающих из СССР промышленных заказов.

Во-вторых, у стран-мировых промышленных лидеров имелись огромные запасы уже готовых непроданных машин и оборудования, которые были заказаны и изготовлены накануне кризиса и теперь оказались излишними. Их цена упала. Строительное оборудование подешевело на 6%, оптика на 10%, измерительные приборы на 13%, электрооборудование на 17%. На некоторые виды машиностроительной продукции Запада цена сократилась до 30%.

СССР получил теперь возможность приобрести станки и оборудование в количестве, необходимом для того, чтобы создать в стране полный самодостаточный комплекс промышленного производства – от добычи и обработки полезных ископаемых – до изготовления изделий любого уровня сложности.

Из истории индустриализации на Западе. Великобритания затратила на постройку полного комплекса промышленного производства примерно 90 лет. США, Франция и Германия – 70 лет. Остальные страны Запада не являлись в промышленном отношении самодостаточными.

Теперь Великая депрессия и вызванное ей падение цен давало Советскому Союзу возможность быстро заимствовать на Западе самые передовые технические образцы и создать такой самодостаточный комплекс у себя за 10-15 лет. Стало возможным одним махом прорваться к целям модернизации, к которым стремилось и которых не смогло достичь российское государство на протяжении всего XIX века. Это, в свою очередь, позволяло снять висевшую над Россией уже 80 лет угрозу военного преобладания западных стран – головную боль всех ее правительств.

Итак, новые, огромные возможности. Но столь же значительными оказались и ограничения на этом пути.

Первое ограничение касалось времени: понятно, что западная дефляция не могла длиться долго. Следовало ожидать, что скоро очередной кризис перенасыщения будет решен старым способом.

Старый способ. Пытаясь переложить издержки друг на друга, государства вступали в новую полосу противоборства, а изголодавшийся по рынкам инвестиционный потенциал делового мира устремлялся в военный сектор экономики с такой скоростью, что обратного хода уже не было.

Значит, можно было ожидать, что из мирового экономического кризиса вырастет новая большая война европейских коалиций. В начале 1930-х гг. спор между аналитиками велся только о том, какова будет конфигурация этих коалиций.

Второе ограничение являлось продолжением блистательных возможностей: цены на сырьё (в том числе сельскохозяйственное) упали на мировом рынке еще ниже, чем цены на промышленные товары (до 50-60% от первоначальных!). СССР, обменивавший сырьё на оборудование, столкнулся с необходимостью продавать сырьё (зерно, лес и т.д.) в гораздо больших объемах, чем раньше. В условиях кризиса хлебозаготовок, выросшего из нэпа, это означало, что «окно возможностей» приоткрылось лишь чуть-чуть – и тут же захлопнулось вновь.

Незачем мечтать о несбыточном. Великая депрессия не стала средством советской индустриализации. Но, может быть, именно она превратилась в главную причину изменения *способа* этой индустриализации?

Великая депрессия – вызов для модернизации.

Дело в том, что модернизация страны – ось советского проекта, соответственно – главная цель советской власти. Курс ВКП (б) мог быть устойчивым до тех пор, пока она могла выполнять обещания, казалось, невероятных перспектив всеобщей электрификации и механизации труда и быта, которые в начале 1920-х гг. большевики противопоставляли «морю крестьянской отсталости», устоявшемуся архаичному образу жизни, который они определяли как «азиатчину», «полудикость» и «самую настоящую дикость». И, конечно, устойчивость курса сохранялась до тех пор, пока претворялся в жизнь проект, обещавший повышение статусных позиций тому слою людей, который был поднят из простонародья волнами Октябрьской революции 1917 года. Устойчивость советских порядков базировалась на согласии внутри самого правящего слоя, а также между этим правящим слоем и населением. «Светлое будущее» отождествлялось в массовом сознании с высокими темпами модернизации. Отсюда – энтузиазм в народе и власти по поводу провозглашения в 1928 г. плана первой пятилетки.

Но кризис хлебозаготовки подрывал силы, необходимые для выполнения великого плана, а Великая депрессия в перспективе, возможно, ставила на нем крест. Часть заказов правительство уже разместило на Западе (в Германии и США), они уже выполняются. Но чем эти заказы оплачивать? Цены на зерно катастрофически растут внутри страны – и столь же катастрофически падают за её пределами. Значит, заказы останутся неоплаченными. Значит, надо будет забыть о планах размещения за рубежом новых заказов. Значит, план первой пятилетки будет провален.

В таком случае советское руководство ожидает раскол. Выходит, те проблемы, которые, казалось, уже навсегда остались в начале 1920-х годов, не решены и не могут быть решены?! Что же впереди? Новая революционная ситуация, новая гражданская война? Людям, которые своими глазами видели разрушение устойчивого прежде порядка, не надо было долго объяснять, чем чревата потеря «кредита доверия» населения, а также вероятный раскол во власти. Поэтому Сталин, да и вся советская верхушка приходят к решению, что назад пути нет, и что надо любой ценой прорываться к обретению индустриальной самостоятельности. Во что бы то ни стало!

Легко сказать! Еще раз обобщим возникшие в деле модернизации осложнения.

Условия задачи.

- Советское государство, начиная с 1929 г., намеревалось существенно увеличить продажу сельскохозяйственного сырья. При этом на внешнем рынке сырьё должно было стоить дороже, чем на внутреннем. Иначе – откуда возьмется валютная выручка от продаж, необходимая для оплаты зарубежных промышленных заказов? Но в стране кризис хлебозаготовок. Где в этих условиях взять столько дешевого зерна для экспорта?
- Если в строительстве индустрии упор будет сделан на *«группу А»* (т.е. на создание тяжелого машиностроения как базы для всей остальной промышленности), то предполагаемое время отдачи от такого строительства составит от 4-х до 10-ти лет. Всё это время на стройках должно трудиться огромное количество людей. Непосредственно на рынок они ничего производить не будут. За счет чего кормить их все эти годы?
- Товарность крестьянских хозяйств в СССР 1920-х гг., как и их товарность в старой России, оставалась традиционно низкой: большая часть произведенного крестьянской семьёй зерна шла на её собственное потребление, а не на рынок. В период НЭПа товарность зернового производства так и не достигла уровня 1913 г. (11,2% против 14,7% от всего урожая). Но ведь предстоял период резкого возрастания численности строителей индустрии, т.е.

городского населения. Это обостряло и без того трудную продовольственную проблему.

- Среди мировых аграрных экспортеров именно Российская империя выделялась низким уровнем производительности крестьянских хозяйств. В советское время в период НЭПа и к концу 1920-х гг. существенно превзойти уровень 1913 г. не удалось. Но перераспределение земли в пользу крестьян состоялось. Теперь, в отличие от старой России, лишних рабочих рук в деревне не было – все были заняты. Но для того, чтобы достигнуть запланированных темпов индустриализации, городам требовалось *в несколько раз больше* рабочих, чем уходило из деревень в царское время. В ходе индустриализации в Англии или Германии проблема оттока в города рабочей силы решалась в течение многих десятилетий: постепенное развитие индустрии обеспечивало аграрный сектор оборудованием, производительность труда там повышалась, труд в аграрном секторе дешевел, и лишние работники уходили в промышленность в поисках приемлемых заработков. История показала, что СССР конца 1920-х гг. не располагал многими десятилетиями, до Большой Войны оставалось только десять лет. Рабочие руки в массовом количестве нужны были *раньше*, чем произойдет отдача от производства новой техники. Как их изъять из деревни, и не обрушить при этом производство крайне важного для внутреннего потребления и важнейшего экспортного товара – зерна?
- Крестьянское население Российской империи отличалось крайне низким уровнем потребления, при этом Россия экспортировала продовольствие (отсюда выражение – «голодный экспорт»). В 1920-е годы в СССР не удалось существенно поднять уровень потребления в сравнении с 1913-м годом. Сколько-нибудь больших продовольственных излишков в деревне не было. Требуемые новой ситуацией изъятия продовольствия для армии работников растущего индустриального сектора и для экспорта несли угрозу для жизни крестьян. За свое выживание крестьянин будет бороться, даже если попытаться взять у него продовольствие силой. К тому же создавать огромный аппарат для принудительного изъятия продовольствия (как во времена продразверстки) – значит нести дополнительные издержки. А чтобы бежать наперегонки с Великой депрессией, надо, чтобы хлебозаготовки были возможно более дешевым мероприятием. Как обеспечить добровольность участия крестьян в хлебозаготовительных кампаниях? Чем компенсировать риск утраты ими собственной «продовольственной безопасности»?
- Унаследованный советской властью от царской России аграрный сектор отличался очень низкой доходностью. Отсюда *узкий внутренний рынок* для сложной дорогой сельскохозяйственной техники. Но ведь без рынков сбыта промышленной продукции индустриализация не имеет смысла и не сможет стать устойчивым процессом. Потому-то в Российской империи не могло состояться строительство промышленного сектора масштаба Британии или Германии. Но то же самое можно сказать и об СССР 1920-х гг. Допустим, форсированная индустриализация удалась. Куда поставлять продукцию тяжелого машиностроения? Кто будет покупателем, который оплатит производство грузовиков, тракторов, комбайнов?

Модель «Кризис I Пятилетнего плана» (1929 – 1931 гг.)

Рисунок...

Решение.

Нельзя уговорить крестьян продавать зерно по заведомо низким ценам. Подтверждение тому – кризисы нэпа. Экономические методы не позволяли решить задачу в исторически короткий срок. А административные методы? Большевики выбрали путь внеэкономического изъятия продовольствия из села – нечто вроде реквизиций времен Гражданской войны. Однако они помнили, что продразверстка имеет обратную сторону – потерю устойчивости политического порядка. Подтверждение – крестьянские восстания образца «антоновщины», которые в случае раскола правящего слоя могут стать преддверием гражданской войны. Но главное – возможности реквизиций ограничены. Реквизиции ничего не дают для соблюдения всех остальных условий задачи – не дают необходимого оттока рабочих рук из села, не дают при этом сохранить приемлемый уровень аграрного производства, не расширяют внутренний рынок для индустрии, не компенсируют крестьянам утрату их продовольственной безопасности. Наряду с реквизициями и прочими «чрезвычайными мерами» требовалось найти нечто иное.

Сплошная коллективизация крестьянских хозяйств.

Выход был найден в области усиления кооперации (т.е. совместной деятельности) на селе.

Формы кооперации. Крестьянство СССР времени НЭПа знало несколько уровней возможной кооперации своей деятельности. Кулаки и вообще зажиточные крестьяне ограничивались *сбытовыми и кредитными кооперативами* (обеспечение выгодных условий продажи сельскохозяйственных и покупки промышленных товаров, приобретение сложного и дорогого инвентаря).

Хозяева менее зажиточные вступали в *ТОЗы* (товарищества по обработке земли) или в *артели*. В первом случае (ТОЗы) они совместно эксплуатировались общий дорогой инвентарь (косилки, жатки, веялки, молотилки) – в подобных случаях одной косилки было достаточно на 20-30 хозяйств, а расходы на покупку и ремонт раскладывались поровну на членов ТОЗа.

При объединении в артели обобществлялись земельные участки и угодья (выгоны, лесосеки), а также тягловый и крупный рогатый скот и весь сложный инвентарь – но с

сохранением в собственности у семей усадьбы и построек. Такой способ кооперации был особенно удобен безлошадным хозяйствам (они составляли до 30% всех крестьянских хозяйств) и малоземельным (25% хозяйств). Худо-бедно, но тягловый скот был в этом случае в распоряжении всех, и на всех раскладывались расходы по его содержанию.

Наконец, беднейшие крестьяне нередко уходили рабочими в *совхозы* (государственные сельскохозяйственные предприятия). Также они создавали *коммуны*. Совхозы (советские хозяйства) организовывались на средства государства, в них работали по найму те люди из местного населения, которые участвовали в предприятии только своей рабочей силой, получая зарплату. В коммунах беднейшее крестьянство сдавало в общий фонд всё свое имущество (вплоть до зимней одежды) и обеспечивалось продовольствием за счет работы в общем хозяйстве.

Сбытовые кооперативы и ТОЗы составляли в 1920-е гг. самую устойчивую форму кооперации крестьянства. А наименее устойчивыми были коммуны, которые либо быстро разорались, либо, дав своим участникам «подняться», переходили к более умеренным формам обобществления. Весной 1928 г. при одном из совхозов на Украине создается первая МТС (машинно-тракторная станция): совхоз выделил 10 тракторов для вспашки наделов в 250 крестьянских хозяйствах. Для оплаты услуг МТС крестьяне объединились в несколько артелей. Тогда же на Северном Кавказе был создан знаменитый совхоз «Гигант» (60 тыс. га пашни, 2,5 тыс. рабочих, 340 тракторов), который показал феноменальную производительность труда в сравнении с традиционными крестьянскими хозяйствами.

Осенью-зимой 1928 г., уже реагируя на кризис хлебозаготовок, правительство начинает заключать с крестьянами контракты на покупку у них зерновых «на корню» (т.е., еще до сбора урожая, оплачивая его заранее). Для этого крестьяне объединяются в *товарищества по контрактации*. Таким образом, к концу 1920-х гг. в СССР были опробованы самые разные варианты сельской кооперации. Их плюсы и минусы были хорошо известны.

В борьбе за выполнение плана первой пятилетки часть руководства ВКП (б) (Сталин, Киров, Куйбышев, Орджоникидзе и др.) решает сделать ставку на совмещение существующей практики объединения крестьян в артели, контрактации государством будущего урожая, и внедрения на селе услуг государственных машинно-тракторных станций. Этот гибрид затем и получит название «колхоз».

В 1927 г. в коллективном секторе (совхозах и коммунах) было всего 3 % хозяйств. К концу 1929 г. с распространением колхозов коллективный сектор увеличился до 7,6%, зато его товарность выросла в 36 раз! Неудивительно, ведь в этом секторе работала 61 МТС (2 тыс. тракторов). Опираясь на этот опыт, Сталин дает новый старт. Третьего ноября 1929 г. вождь пишет знаменитую статью «Год великого перелома», где доказывает необходимость повсеместно переходить к практике создания колхозов. Для организации взаимодействия будущих МТС с колхозами в том же ноябре в село было отправлено 25 тыс. высококвалифицированных промышленных рабочих («Движение двадцатипяти тысячников»).

Модель «Коллективизация на селе» (план Сталина-Кирова-Свердлова-Орджоникидзе)

Рисунок...

Однако именно с тракторами случилась заминка. Планировалось, что к 1930 г. в СССР удастся построить 20 тыс. тракторов (из них 10 тыс. на ленинградском заводе «Красный путиловец»), и еще 10 тыс. было заказано за границей. Вот тут вмешалась Великая депрессия. К декабрю 1929 г. на экспорт было отправлено больше зерна, чем в благополучный 1926-1927 гг. (2,5 млн. т против 2,1 млн. т). Но выручка от продажи составила только половину прежней. На оплату тракторного заказа средств не хватило. Производственный план «Красного путиловца» также основывался на импортных комплектующих и выполнялся с огромным отставанием. Коллективизацию предстояло начать почти без тракторов.

В начале января 1930 г. выходит постановление ЦК ВКП (б) «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству». Предписано объединить в колхозы от 70 до 90% всех хозяйств. В конце января 1930 г. выходит постановление ЦК «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации». Перечисляются методы «раскулачивания».

Выходит, большевистское руководство СССР пошло на сплошную (ускоренную) коллективизацию, оказавшись перед необходимостью резко увеличить зерновой экспорт. При этом крах надежд на быстрое обеспечение колхозов техникой заставил изымать недвижимость и инвентарь у кулаков, делая их технической базой колхозов (вместо тракторов и МТС). В 1930 г. до 1/3 стоимости всей колхозной недвижимости (амбаров, хлевов, мельниц и т.п.) составляло экспроприированное имущество кулаков.

Коллективизация на селе в реальности (1930-1932 гг.)

Рисунок...

Коллективизация сопровождалась множеством трагических эксцессов. Самым серьезным ее последствием был голод, который разразился осенью 1932 г. в черноземных областях СССР. Голод явился следствием ряда причин, среди них – бескомпромиссная политика государственных хлебозаготовок, а также стихийное крестьянское сопротивление коллективизации. И – опять же, следствием Великой депрессии, подстегнувшей форсирование колхозного строительства в СССР.

Считая, что скотина все равно пропадет в колхозном стаде, крестьяне начали массовый забой скота (зима 1929-1930 гг.) Особенно досталось крупному рогатому скоту (его, в отличие от лошадей, по православным нормам можно было употреблять в пищу). В черноземных районах, где земля тяжелее для обработки, именно быки и волы были одновременно и рабочим скотом. В результате массового забоя численность крупного рогатого скота сократилась с 39 млн. до 18 млн. голов. Уже к пахоте 1931 г. селяне Дона, Кубани и Украины остались только с половиной всего поголовья. Естественно поэтому, что весной 1932 г. в черноземных районах было вспахано и засеяно только 40 % всех посевных площадей.

Осенью 1932 г. начался голод. Всё это время правительство наращивало экспорт продовольствия. На 1931 год пришелся пик советских экспортных поставок. Дело в том, что на Западе начинался второй акт Великой депрессии, и теперь для того, чтобы избежать дальнейшего падения внутренних цен, страны старались отгородиться друг от друга протекционистскими барьерами. В 1932 г. на Оттавской конференции Британского содружества было принято решение обложить высокими таможенными пошлинами товары стран, не входящих в империю. Как раз Британия была главным покупателем советского зерна. С 1932 г. она перекрыла Советскому Союзу доступ на свой хлебный

рынок. Предчувствуя такой оборот событий, советское правительство уже в 1931 г. старается запасти через колхозы как можно больше зерна и протолкнуть его на экспорт – пока не поздно. Результатом совпадения всех этих обстоятельств и стал массовый голод, особенно свирепствовавший на Украине, Дону и Кубани, где крестьяне вырезали рабочий скот, не желая сдавать его в колхозы.

Эффекты коллективизации.

Организация крестьян в сельхозартели (колхозы), отвечающие перед государством за хлебозаготовки, позволяла достигать следующих результатов.

А) *Кооперация*. В 1927 г. 28,3% крестьян не имели тяглового скота, а 31,6% – пахотного инвентаря. Значит, треть сельского населения не была включена в товарное производство. В ходе коллективизации и раскулачивания это огромное количество «полузаятых» рабочих рук соединилось с необходимым инвентарем. Поэтому в самые критические моменты аграрное производство не было сильно обрушено. Около 20 млн. жителей села перешло на строительство объектов промышленности. Вскоре колхозы стали первым в истории России массовым потребителем современной (по тем временам) сельскохозяйственной техники (первоначально – через услуги МТС). Очевидно, что тракторами проще и дешевле обрабатывать большие колхозные поля, чем маленькие крестьянские участки. К тому же крупные хозяйства в условиях низкой прибыльности российского аграрного сектора могли аккумулировать необходимые финансовые средства для механизации труда. Грубая принудительная кооперация в виде колхозов быстро и резко расширила внутренний «рынок» для сложной и дорогой промышленной продукции (колхозы покупали услуги МТС).

Б) *Административная централизация*. Теперь государство, действуя командными методами, могло изъять из деревни после очередной уборочной кампании необходимое количество товарного зерна. В города и на «великие стройки» привлекалось ровно такое количество людей, сколько рабочих мест там появлялось. Не допускалось такое положение, чтобы в городе появлялись безработные, а на селе существовала нехватка рабочих рук. Голод, столь сильно ударивший по селу, не затронул города, что означало бы крушение планов индустриализации.

Масса людей из села нужна была в городах надолго, если не навсегда, поэтому традиционными отхожими промыслами здесь было не обойтись. Государство контролировало миграцию из деревень, набирала на работу в промышленность преимущественно сельскую молодежь, а остальных желающих «придерживало». Одна из забот правлений колхозов – отправка о бессемейной молодежи «на производство» и обучение, в то же время колхозные правления поддерживали необходимый уровень трудовых ресурсов в деревне.

В) *Раскулачивание*. Сплошная коллективизация и быстрое внедрение техники сельхозпроизводство разрушало прежнюю иерархию в деревне. Богатая часть крестьянства традиционно являлась там политической и культурной верхушкой, которая определяла приоритеты и жизненные планы большинства крестьян. Теперь же, с введением машин резко обесценивались навыки кулаков и середняков управляться в мелком хозяйстве. Теперь самыми уважаемыми людьми в деревне становились трактористы и агрономы.

В условиях быстрой модернизации сельское общество оказалось под угрозой раскола из-за конфликта старых и новых ценностей, старого и нового образа жизни. В этом конфликте перевес сил был не на стороне города. Существовало, например, «социологическое» препятствие оттоку молодежи в города: сельские хозяева традиционно рассматривали детей как часть своего капитала и, бывало, не отпускали их даже в школу. Именно государственная идеология смогла подменить этот конфликт другим – старой враждой крестьянских общин и кулаков-«мироедов». Крестьяне традиционно ориентировались на сельскую собственническую верхушку. Теперь, при переходе к

крупным коллективным хозяйствам жизненные планы и навыки этой верхушки обесценивались. Представив старую патриархальную иерархию полунатурального крестьянского хозяйства как «кулаческую», официальная идеология и пропаганда добились в деревне быстрого перевеса сил «модерна» над силами патриархального общества.

Г) *Эффект социальной компенсации.* Коллективизация проводилась суровыми, если не сказать «свирепыми» методами. В 1930-1931 гг. зафиксированы сотни крестьянских волнений. Однако крупных восстаний образца антоновского или Западно-Сибирского все же не было. Это оказалось возможным, в том числе, и потому, что появилась возможность быстро повышать статусные позиции крестьянских семей. Речь идет о массовых направлениях бедняцко-среднекрестьянской молодежи на учебу. Известие о том, что сын закончил курсы трактористов или выучился «на инженера», а дочка – «на фершела» или агронома, означало серьезное усиление позиций данной семьи в сельской иерархии. Как и положено, дети умножали престиж родителей – только теперь новым, небывалым прежде способом.

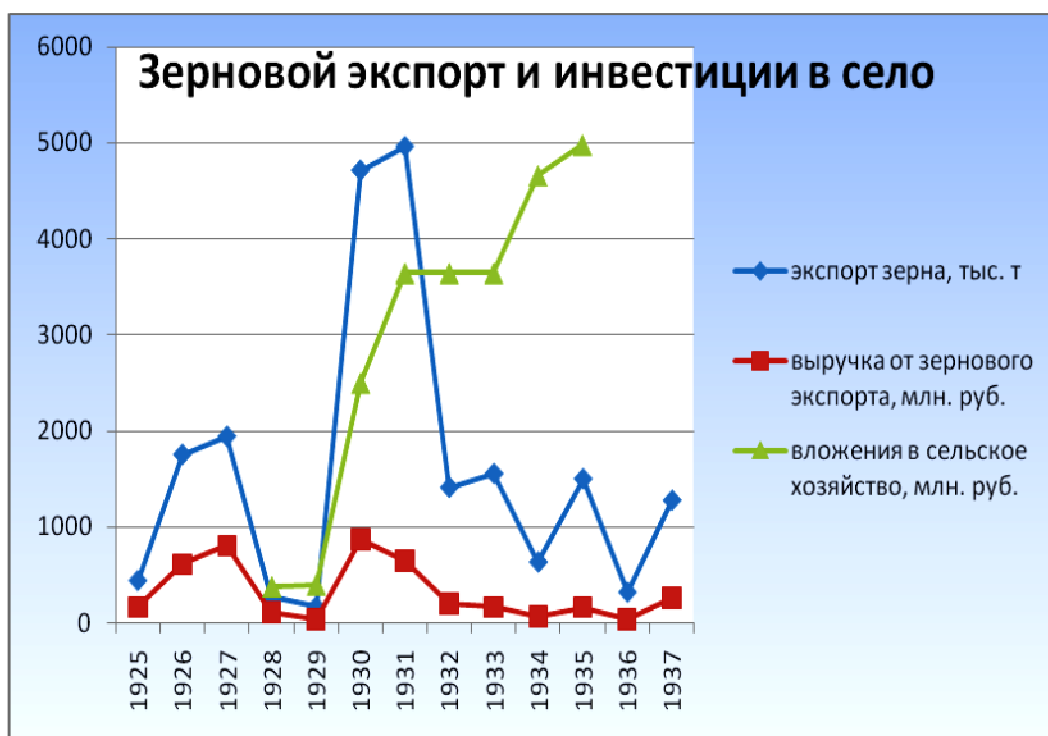
Учитывая все эти социальные эффекты, можно сказать, что коллективизация, так или иначе, отвечала основным условиям задачи индустриализации.

Динамика процессов.

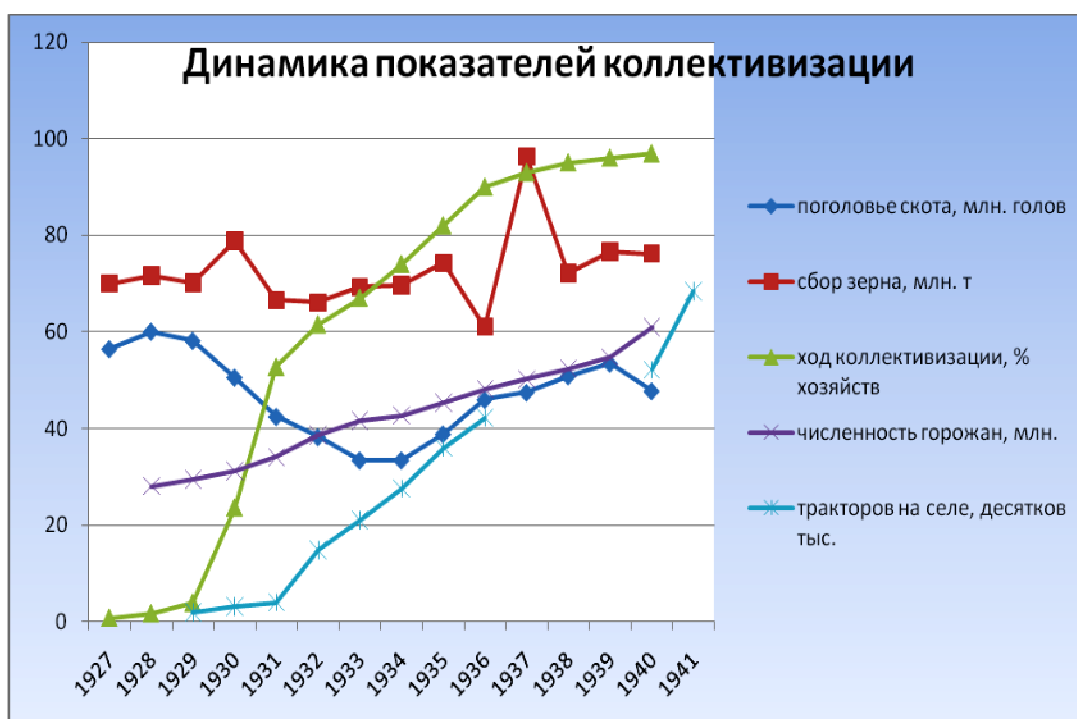
На графике «Зерновой экспорт» хорошо видна «яма» кризиса хлебозаготовок 1928-1929 гг. «Зубец» 1930-1931 гг. отражает начало Великой депрессии. Чтобы вернуть экспортные доходы уровня 1927 г. (с учетом этого уровня экспортных доходов и разрабатывался план первой пятилетки), государству пришлось продавать в 2,5 раз больше зерна. Однако эта «чрезвычайщина» продлилась недолго. В 1932 г. начался период британского протекционизма, и советский экспорт окончательно обвалился. Вместе с ним резко упали валютные доходы страны.

Отметим, что в то же самое время (период коллективизации) происходил довольно крутой подъем государственных капитальных вложений в аграрный сектор. Помимо наращивания технической базы совхозов и МТС, огромные средства направлялись на подготовку колхозных кадров. С весны 1931 г. повсеместно организовывались курсы, на которых было подготовлено 150 тыс. трактористов и 200 тыс. других специалистов: агрономов, киномехаников и радиомехаников. Все они до этого ни разу в жизни не встречались со сложной техникой.

Примерно такое же количество крестьян обучалось в 1929-1932 гг. на курсах под руководством командиров и комиссаров Красной Армии. Традиционное представление о том, что индустриализация была достигнута простым выкачиванием ресурсов из деревни, оказывается ошибочным. Наоборот, никогда прежде российское село не получало столь серьезных инвестиций. Спросим – за счет чего? Здесь действовал целый комплекс факторов: организация трудовой и управленческой кооперации крестьянских хозяйств, механизация труда, бытовая неприхотливость горожан «в первом поколении», а также общий душевный подъем от резкого усиления «вертикальной мобильности» в обществе.

На графике «Динамика показателей коллективизации» выделяется год «Великого перелома» — та кривая, которая показывает ход вовлечения в колхозы крестьянских хозяйств. Зерновое производство при этом не обвалилось. Зато падение численности крупного рогатого скота полностью коррелирует с «переломом». Это падение не было преодолено полностью даже к концу 1930-х гг. Следует, однако, видеть, что 500 тыс. тракторов, которые имелись в деревне к 1939 г., были эквивалентны 7,5 млн. лошадей, так что с лихвой компенсировали убыль волов. В 1930-е гг. происходит быстрый рост численности занятых в индустриальном секторе: отток сельских жителей в города в 1929-1940 гг. составил 31,5 млн., т.е., четверть всех крестьян в стране. Поэтому в действительности производительность труда оставшихся в деревне крестьян с заметной выросла.

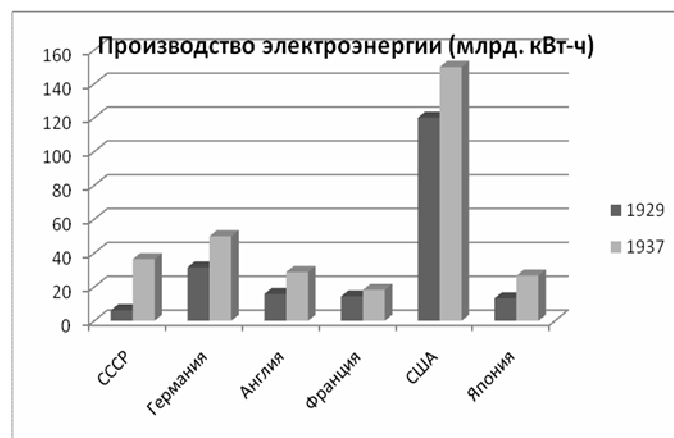
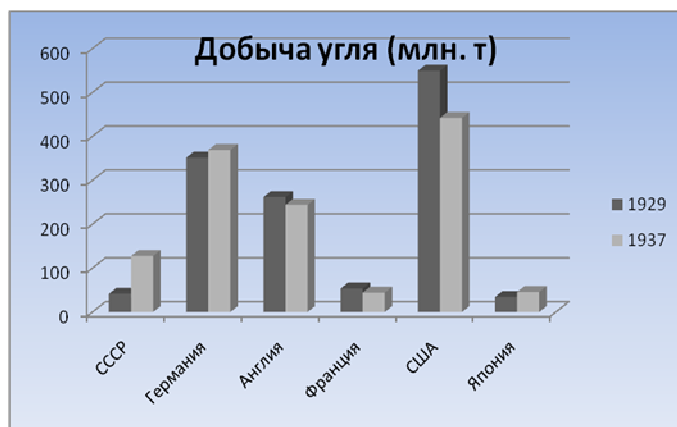
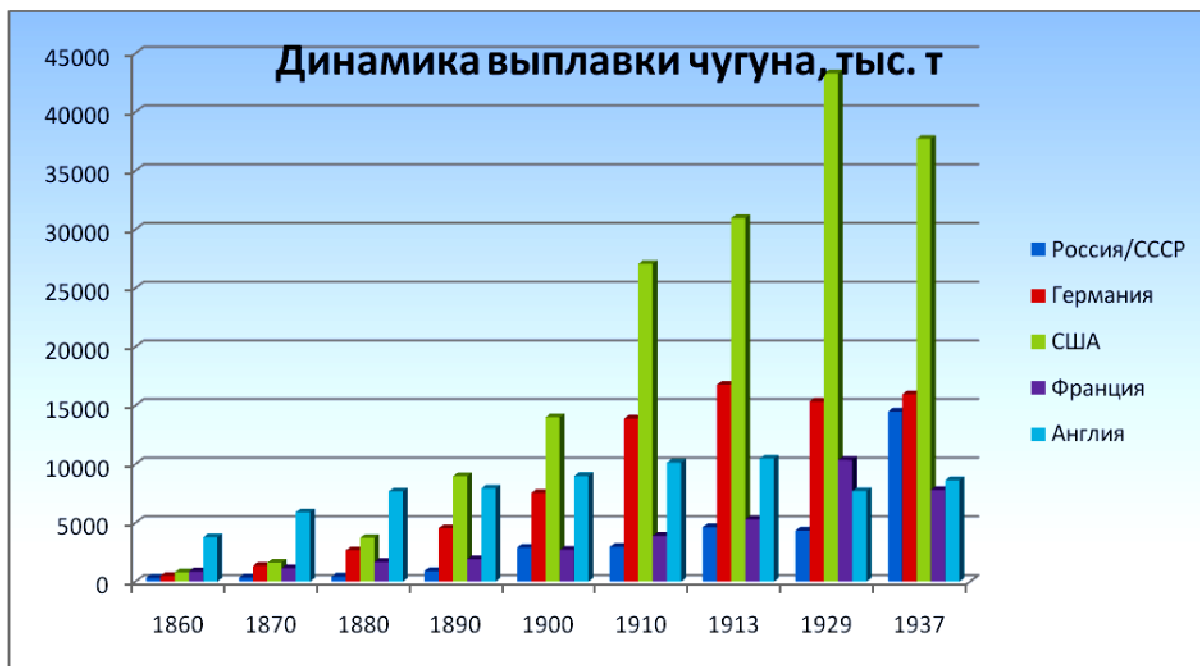

На диаграмме «Производство промышленной продукции» отражен феноменальный рост производства сложной техники. Столь внушительно он выглядит на фоне «околонулевых» показателей 1913 и 1928 гг. Вообще, многие виды продукции впервые начали производить в СССР только в результате форсированной индустриализации.

Однако в *абсолютных показателях* в сравнении с другими развитыми странами достигнутые в СССР успехи выглядят значительно скромнее. На первый план выходят именно *темпы* индустриализации. Эти темпы хорошо видны, когда мы рассматриваем мировую динамику выплавки чугуна. На определенном этапе истории той или иной страны показатели чугунонного производства – важнейшие для оценки индустриального развития, ведь из чугуна варится сталь – основной материал индустрии. В этом отношении выделяются две группы стран. В первую группу входят Англия и Франция – старейшие промышленные лидеры, темпы прироста у которых составляют в среднем 30%.

Новые претенденты на экономическую гегемонию – Германия и США – «бегут» со скоростью примерно 50% за десятилетие. С той же скоростью до 1913 г. двигалась и Российская империя. Но начальный уровень этого участника (России) составлял только 70 % от германского и 50% от американского. С такими темпами приблизиться к лидерам было невозможно. В СССР 1930-х годов чугунолитейное производство выросло по сравнению с 1913 г. в 3,3 раза. По производству электроэнергии разрыв с 1929 г. стал шестикратным. Это и есть тот самый «большой скачок», которого не демонстрирует в своем развитии ни один промышленный лидер мира. С учетом перспективы возможных столкновений государств важно то, что по ряду основных промышленных показателей Советскому Союзу уже в 1937 г. удалось приблизиться к уровню Германии, а также превзойти уровень Японии.

Резюме.

«Военная тревога 1927 г.» и начавшиеся в стране кризисы хлебозаготовок подтолкнули правительство СССР к форсированной индустриализации. Планом индустриализации была первая пятилетка. Сложность состояла в низкой товарности и производительности сельского хозяйства, откуда нужно было переместить в промышленное производство до трети населения. Выходом стали положительные результаты экспериментов по распространению машинно-тракторных станций (МТС) в районах коллективных хозяйств (сельскохозяйственных артелей). Там, где крестьяне сообща оплачивали услуги тракторных бригад, продуктивность крестьянского труда выросла десятикратно. Появлялись лишние рабочие руки, необходимые для индустрии.

Мировой экономический кризис на Западе, казалось бы, обещал СССР дешевизну возможной советской индустриализации. Однако последующее обрушение цен на сырьё (в том числе товарное советское зерно) вызвало кризис в сфере оплаты заказов у иностранных фирм. Надежды на быструю моторизацию колхозов рухнули. Уже в конце 1929 г. цены на зерно упали в 2,5 раза, и трактора в МТС не поступили.

В начале 1930 г. правительство приходит к идее о простом разделе между крестьянами-колхозниками всего имеющегося инвентаря и скота, с организацией крестьян-единоличников в крупные производственные коллективы. Был взят курс на подавление кулаков как противников коллективизации («раскулачивание»).

Проводниками политики государства на селе стали рабочие-«двадцатипятидесятники», оставшиеся не у дел без поступления в МТС тракторов.

Основное негативное последствие форсированной коллективизации – голод 1932-1933 гг., связанный с усиленными хлебозаготовками в преддверии закрытия зернового рынка Британской империи, а также с массовым забоем скота крестьянами черноземных областей СССР.

В первые годы массовой миграции сельских жителей в индустриальные города коллективизация позволила удерживать на допустимом уровне производство сельхозпродуктов. При этом индустриализация играла роль «лифта» для «вертикальной мобильности» для сельских семей. Во второй половине 1930-х гг. началась «моторизация» села на базе колхозов и МТС. «Большой скачок» форсированной индустриализации в СССР позволил в короткие сроки создать в стране независимый комплекс производства и выйти на индустриальный уровень примерно равный уровню стран – будущих противников во Второй мировой войне.

ЗАДАНИЯ

Вспомните определения

- ✓ группа «А»
- ✓ раскулачивание
- ✓ коллективизация

Дайте определения

- ✓ дефляция
- ✓ «вертикальная мобильность»
- ✓ МТС
- ✓ «двадцатипятидесятники»
- ✓ контракция

Подготовьте сообщения

- ✓ Великая депрессия в США.
- ✓ Методы коллективизации.
- ✓ Словарь коллективизации.
- ✓ Словарь форсированной индустриализации

Тема микро эссе

- ✓ Коллективизация с точки зрения прогресса и регресса производительных сил.